

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

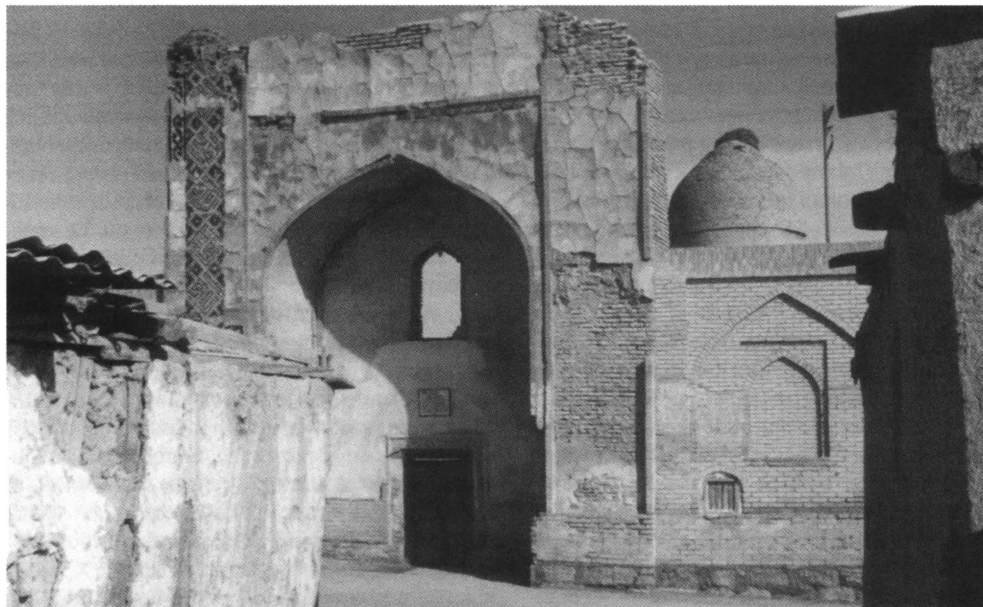
Энциклопедический
словарь

Под редакцией С.М.Прозорова

Том I

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
2006

Завия Турк-и Джанди. Вид с севера.
 Фото Е.Г.Некрасовой, вторая половина 90-х гг. XX в.

Турк-и Джанди) // Материалы научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения доктора исторических наук Б.Д.Кочнева. Самарканд, 2000, 110–113; неопубликованные исследования Б.Кочнева, Е.Некрасовой, С.Инютина.

Б. Каз., Е. Н.

Туркистан — см. Центральная Азия

Туркменистан (Туркмения, территория 488,1 тыс. кв. км, население 5 млн. чел.) — ныне независимое суверенное государство с пожизненным президентом; в 1924–1991 гг. — союзная республика в составе СССР; до того, в 1921–1924 гг., — Туркменская область как часть Туркестанской АССР. В дореволюционный период, в 1884–1917 гг., большая часть территории современного Т. входила в Закаспийскую область Российской империи (это название сохранялось до октября 1921 г.), еще раньше — конгломерат независимых туркменских племен, кроме северных и северо-восточных, входивших в состав Хивинского ханства и Бухарского эмирата.

В географическом плане Т. — страна пустынь и степей, которые занимают почти $\frac{4}{5}$ ее территории. На крайнем юге и востоке протянулись горные цепи Копетдага и Кухитанга, а на западе — Большого и Малого Балхана. Водные источники расположены по периферии всего региона — это реки Амударья, Мургаб, Теджен, Сумбар, Чандыр, Атрек, кяризы предгорной полосы и Каракумский канал. Необходимость в условиях аридной зоны искусственного орошения обусловила развитие основных цивилизаций именно в земледельческих оазисах по периферии Т.

К началу арабского завоевания территории современного Т. (сер. VII в.) земледельческое население оазисов — потомки древних парфян, маргианцев, хорезмийцев и т.п. — было почти целиком ираноязычным, а кочевые и полукочевые племена пустынно-степной зоны — частью ираноязычными, а частью уже тюркоязычными. К началу XIII в., в предмонгольский период, за счет регулярного прилива из Центральной Азии через Мавараннахр и Усть-Урт нескольких тюр-

кочызычных волн, особенно огузских племен в IX–XII вв., языковая и этническая ситуация в регионе резко изменилась. Среди населения оазисов в большей или меньшей степени стал преобладать тюркоязычный компонент, который в кочевой среде Каракумской пустыни и прилегающих степей господствовал абсолютно. Огузские племена, вобравшие в себя ряд местных ираноязычных компонентов, стали исходным элементом основной массы туркменских племен. После многих перемещений на территории Т. и сопредельных регионов в течение XIII–XVIII вв. к середине XIX в. туркменские племена заняли те районы, в которых они живут и в настоящее время.

С вхождением в состав Российской империи, а затем уже в советский период этнический и соответственно конфессиональный состав населения Т. претерпел определенные изменения. При сохранении стабильной основной массы туркмен рост городов, строительство Закаспийской железной дороги, развитие торговли и промышленности, создание приграничной сети переселенческих поселков явились стимулом переселения в Закаспий многих выходцев из европейской части России, из Закавказья и Ирана — русских, украинцев, поляков, немцев, армян, евреев, азербайджанцев и др. С ними в Закаспии появились различные направления христианства — православие, католичество, лютеранство, грегорианство, баптизм, молоканство, меннонитство и т.д., а также иудаизм. Персы и азербайджанцы принесли шиизм, а часть бежавших из Ирана бехаитов — свою веру, бехаизм. Каждая из перечисленных конфессий возводила свои храмы, многие из них были разрушены в 30-е гг. XX в., в период усиления репрессий по отношению к религии и церкви.

Началом исламизации региона можно считать 651 г., когда в одном из очагов древнейшей цивилизации — Мервском оазисе появились войска арабов-завоевателей, принесших в Среднюю Азию новую религию. В том же году ими были захвачены все земли бывшей иранской провинции Хурасан/Хорасан, в которую входила и территория Южного Т.: Ниса, Абиверд и Марв/Мерв сдались без боя, правитель Серахса и жители мервского селения Синдж, оказавшие сопротив-

ление, в большинстве своем были перебиты. Несколько позже, при халифе 'Али (656–661), в Хорасане вспыхнуло восстание, но оно не имело успеха. Кочевые же и полукочевые племена Хорасана оказали более стойкое сопротивление, которое арабам удалось подавить лишь почти через шестьдесят лет, в 709 г., когда был вероломно схвачен и казнен Низак Тархан, предводитель (в течение многих лет) местных тюркских и эфталитских племен.

С большими трудностями был завоеван арабами Юго-Западный Т. — область Дехиستان. Поход конца VII в. потерпел неудачу. В 716 г., после шестимесячной осады главного города области, сопротивление оборонявшихся было сломлено. Завоеватели перебили 14 тыс. взятых в плен защитников-тюрков и казнили их предводителя Сула. Третьим регионом Т., где было установлено арабское господство, стал Х^аризм/Хорезм. Произошло это после приглашения в 712 г. войск наместника халифа в Хорасане Кутайбы б. Муслима местным правителем, хорезмшахом, для подавления восстания, которое поднял против него его младший брат. До этого был подчинен Лебап — область средней Аму-дарьи. Таким образом, для завоевания оазисной и частично степной зоны на территории Т. арабам понадобилось около 70 лет, после чего они двинулись за Аму-дарью — в Мавараннахр (араб., «То, что за рекой»); территория современного Узбекистана).

Кочевые же племена Каракумской пустыни, Прибалхання, степных просторов Усть-Урта, Мангышлака и Приаралья фактически оказались не затронутыми арабской экспансией. Постепенное утверждение ислама в этом регионе происходило в X — начале XI в. Характерную деталь сообщает побывавший среди огузов Усть-Урта в 921 г. арабский путешественник-миссионер Ибн Фадлан: правитель части огузов Инал Младший принял было ислам, но соплеменники поставили его перед выбором — отказаться от новой религии или передать власть в другие руки, и Инал избрал первое. Доисламские верования (зороастризм, господствовавший среди населения оазисов, и особенно шаманизм огузов) сохранились в местных традициях, что позволяет говорить о религиозном синкретизме у туркмен.

На рубеже второго тысячелетия ислам стал господствующей религией на всем пространстве современного Т. До середины XIV в. в Мерве и Хорезме существовали небольшие общины христиан (христианство проникло на территорию региона во II–III вв.; в Мерве в преисламский период 5–7% населения были христианами). Буддизм утратил своих последних приверженцев еще в середине VIII в.

Мусульмане средневекового Т. принадлежали к разным направлениям ислама. Это объясняется прежде всего тем, что арабы-завоеватели были выходцами из разных племен и сторонниками разных богословско-правовых школ. Среди них встречались и маликиты, и шафи'иты, но большинство составляли ханафиты. Со временем ханафитский толк стал практически единственным у туркмен. Однако в среде весьма пестрого в этническом отношении городского населения Южного Т. (Мерв, Абиверд, Серахс, Ниса), особенно в период правления в соседнем Иране династии Сефевидов (1501–1732), когда *шахи* объявили шиизм официальной государственной религией, было немало и шиитов. Об этом, в частности, свидетельствуют сообщения гератского историка Хондемира, хивинских хронистов Муниса и Агехи и бухарского историка 'Абд ал-Карима Бухари, относящиеся к событиям 1510 г., первой четверти XVIII в. и 1785 г. По данным источников, шиитская часть населения подвергалась давлению со стороны представителей господствовавшего религиозного направления. Вплоть до вхождения Т. в состав Российской империи под предлогом борьбы с «неверными» (шиитами) туркменские предводители-*сардары* совершали грабительские набеги (*аламаны*) на приграничные провинции Ирана, откуда под тем же предлогом организовывались карательные экспедиции против туркмен. К середине XIX в. шиитов на территории Т. практически не осталось.

Большое влияние на жизнь туркменского общества оказал суфизм. Наиболее известными его центрами в домонгольский период были Мерв, Серахс, Абиверд, Ниса, Дехистан, Хорезм. С Мервом связано прежде всего имя *х'аджи* Йусуфа ал-Хамадани (ум. в 1140 г.) — духовного наставника (непо-

средственно или через свое учение) многих знаменитых среднеазиатских *суфиев*: Ахмада ал-Йасави (ум. в 1166–67 г.), Наджм ад-дина ал-Кубра (погиб в 1221 г. во время осады Гурганджа монголами), Баха' ад-дина Накшбанда (ум. в 1389 г.) и др. В Серахсе прославился Абу-л-Фадл ас-Сарахси (ум. в 1023–24 г.), в Абиверде — Абу Са'ид ал-Майхани (ум. в 1049 г.), в Нисе — Абу 'Али ад-Даккак (X — начало XI в.), в Дехистане — 'Али б. Суккари (IX — начало X в.), в Гургандже, столице Хорезма (ныне Куля-Ургенч), — упомянутый выше Наджм ад-дин ал-Кубра, основатель-эпоним суфийского братства кубравийа. Сохранились их величественные мавзолеи, являющиеся ныне историко-архитектурными памятниками и одновременно объектами культа. Правда, паломникам-туркменам, не знающим подлинных имен «святых», они известны как *ходжа Юсуп-баба*, *Сарагт-баба*, *Меана-баба*, *Ших Кебир*, или *Машад-ата*, и т.п. Это были представители городской ираноязычной среды, тем не менее их почитали и частично переходившие к оседлой жизни кочевники-тюрки. Так, согласно преданиям, авторитет Абу Са'ида ал-Майхани признали Сельджукиды Чагры-бек и Тогрул, которым он «отдал» провинцию Хорасан и Персидский Ирак. Гробница «святого» и дарвишская обитель при ней находились под покровительством *султана* Санджара.

По мере отторжения населения все большей популярностью стали пользоваться *суфии* из тюркской среды. Первым таким «святых» стал основатель братства йасавийа Ахмад ал-Йасави. Он жил в г. Яса (позднее — Туркестан), на территории Южного Казахстана, где находится его мавзолей, но почитаем в Т. не менее, чем на родине. У туркмен даже бытует выражение, в некотором роде приравнивающее Ахмада ал-Йасави к пророку Мухаммаду: «В Макке/Мекке-ал-Мадине/Медине — Мухаммад, а в Туркистане — *х'аджа* Ахмад». Многих послемонгольских, уже тюркоязычных *суфиев* традиция считает продолжателями дела ал-Йасави.

В послемонгольский период, с конца с XIII в., основным религиозным, в том числе и суфийским, центром вплоть до XX в. для туркмен стал Хорезм, второе место отдавалось Бухаре. С Хорезмом (с начала XVII в. —

Хива) связана деятельность таких легендарных и полубогатых суфиев конца XII — XVI в., ведших активную религиозную пропаганду в туркменской кочевой среде, как Саййид-ата, Хаким-ата, или Сулайман ал-Бакыргани, Чопан-ата, шайх Шараф (Шереф), написавший по просьбе прибалханских туркмен на понятном им тюркском языке книгу Му'ин ал-мурид («Пособие для послушников»), Гёзали-ата, шайх Камал ад-дин (Кемалуддин) и др.

С Хорезмом традиция связывает происхождение и большинства родоначальников туркменских овляд (араб. *аулад* — «дети», «потомство») — «святых» групп у туркмен, хотя их духовенство ведет свою вымышленную родословную от трех «праведных» халифов — Абу Бакра, 'Усмана и 'Али. У хорезмийских *тиров* и *шайхов* получали духовное звание большинство туркменских *ишанов* (остальные делали это в Бухаре). В хивинских и бухарских *мадрасах* учились многие туркменские поэты-классики XVIII–XIX вв. — Махтум-қули, Зелили, Андалиб, Молланепес (Молла Непес), Зинхари и многие другие. Когда Т. вошел в состав Российской империи, царские власти, опасаясь воздействия усилившейся в конце XIX — начале XX в. пропаганды идей пантюркизма и панисламизма, старались пресечь деятельность хивинских и бухарских *тиров*, *шайхов* и *ишанов*.

Обучение догмам и обрядам ислама (в частности, связанным с наречением имени ребенку, заключением брака, празднованием достижения возраста Пророка — *пыгамбер яшы*, отчитыванием умерших) осуществляли *муллы* (*молла*) и *ишаны*. *Муллы* же учили детей и подростков в мечетных школах (*мектеб/мактаб*), а *ишаны*, *ахуны*, немногочисленные в среде туркменского духовенства, и наиболее подготовленные *муллы* — юношей в *мадрасах* первой ступени. *Казы* (араб. *кади*; мусульманские судьи), которых у туркмен также было немного, после включения Т. в состав Российской империи были объединены в суды *казиев*, функционировавшие наряду с гражданскими судами, но разбиравшие в основном семейно-бытовые конфликты. Еще одну категорию лиц, связанных с отправлением религиозных обрядов, представляли *муджевюры* (араб. *муд-*

жавир — «живущий по соседству») — смотрители «святых» мест (*овлия*, *кераматы ер*), которых в Т. насчитывалось несколько сот. Данные по туркменским районам, входившим в состав Хивинского ханства, Бухарского эмирата и приграничных провинций Ирана и Афганистана, отсутствуют. По Закаспийской же области в 1899 г. официально насчитывалось 80 рядовых *мулл*, 152 *имама* (т.е. *мулл*–настоятелей мечетей) и 105 *ишанов*, из которых половина приходилась на Мервский уезд.

После революции все мечетные школы и *мадрасы* и почти все мечети были закрыты, переоборудованы под хозяйственные помещения или культурно-просветительские учреждения. Так, построенная в начале XX в. красивая мечеть бехаитов в центре Ашхабада стала краеведческим музеем. В послевоенный период во всей республике насчитывалось лишь четыре зарегистрированные в 1946–1949 гг. официальные мечети: по две в Марыйской и Ташаузской областях. Одна из них, являющаяся и «святых» местом *х'аджи* Йусуфа ал-Хамадани (в обиходе — *ходжа* Юсуп(Йусуф)-*баба*), служила резиденцией *казы* — официального главы мусульман Т., там же находилось Духовное управление, *казийат*. Столица Т., Ашхабад, мечети не имела. Подобное положение сохранялось вплоть до второй половины 80-х гг. XX в.

С началом перестройки вследствие более либерального отношения властей к религии и духовенству началось строительство новых и восстановление некоторых старых мечетей, подготовка кадров не только в бухарской *мадрасе* Мир-и Араб и Высшем исламском институте им. имама ал-Бухари в Ташкенте, как было в предыдущий период, но и за границей (в Египте, Турции, Саудовской Аравии). Этот процесс чрезвычайно усилился в 90-е гг. XX в., когда Т. стал самостоятельным государством. Так, на февраль 1996 г. в республике уже действовало несколько сот мечетей, число которых сократилось после того, как в начале 1997 г. прошла их перерегистрация, несколько десятков строилось. В Ашхабаде функционирует 11 мечетей, часть средств на их возведение получена от арабских стран и Турции. Одна из мечетей, на проспекте Туркменбаши, — шиитская, специально для иранцев,

которых сейчас немало в туркменской столице. Наиболее крупная мечеть, рассчитанная на 800 молящихся, сооруженная в районном центре Геок-Тепе, в 44 км от Ашхабада, носит имя Сапармурат-хаджи в честь бывшего первого секретаря КПТ, а ныне президента Т. С.А.Ниязова, совершившего паломничество-хаджж к святыням Мекки и Медины. В марте 1994 г. при ашхабадской мечети Акса был проведен первый конкурс юных чтецов Корана, затем это стало традицией.

С распадом СССР распалось на независимые республиканские образования и находившееся в Ташкенте Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана, которому раньше подчинялся *казийат* Т. В республике сначала было создано пять велайатских (областных) *казийатов*, но затем власти отменили это решение, выступив за единое управление мусульман — *казийат* в столице Ашхабаде под патронажем президента республики. В 1994 г. при Туркменском госуниверситете был открыт богословский факультет, студентов которого сразу же отправили учиться за границу (в Турцию и арабские страны), а за это время в центре города, недалеко от основных зданий ТГУ, к 1997/98 учебному году был построен закрытый комплекс для этого факультета, включающий учебные корпуса, общежитие, студенческую мечеть, библиотеку и подсобные помещения.

Религиозная литература, попадавшая в Т. раньше sporadически, пользовалась тем не менее постоянным спросом: так, Коран в переводе акад. И.Ю.Крачковского, изданный московским издательством в 1963 г., поступил в республику в считанных экземплярах и неофициально распространялся путем ксерокопирования. С конца 80-х и особенно в 90-е гг. публикации религиозного характера на самые разные темы стали появляться все в большем количестве: московские и иные издания Корана на русском и арабском языках; два издания, хотя и не очень качественные, этой святой книги на туркменском, подготовленные переводчиком Д.Керимовым и писателем А.Агабаевым (1994) и *ахуном* Хаджи (*хаджжи*) Ахмедом (1995) (по утверждению В.Пономарева, почти весь 40-тысячный тираж этого издания весной 2000 г. был изъят из библиотек, магазинов и т.д. и со-

жжен по указанию президента Республики); перевод двухтомника «Жизнь Мухаммеда» В.Ф.Пановой и Ю.Б.Вахтина (1992) на туркменский язык; переиздание сочинения среднеазиатского богослова Вафаи «Раунак а-ислам» («Блеск ислама»), которое входило в обязательную программу дореволюционных *мадрас*; ряд популярных брошюр о молитве, посте и т.д. В середине 90-х гг. был открыт иранский магазин, в котором 80 книг и изопродукции на персидском, арабском, английском и русском языках посвящены исламу. Возродившаяся в 1990 г. община мусульман-бехайтов продолжила издание своего прежнего журнала «Свет истины» (вышло четыре номера). С конца 80-х гг. все больше материалов, связанных с различными вопросами религии, в том числе выступлений представителей духовенства, стало появляться в республиканских и местных средствах массовой информации — в прессе, на радио и телевидении.

Расширились возможности исполнения пятого предписания ислама — паломничества (*хаджж*) к святыням Мекки и Медины. Если в 60–80-х гг. от СССР ежегодно отправлялись в *хаджж* не более 30–40 человек, среди которых туркменстанцев были считанные единицы, то за 1992–1993 гг. совершили *хаджж* более 300 туркменских мусульман, а в 1994 г. председатель Совета по делам религий при президенте Т. Наср Аллах б. ‘Ибад Аллах напутствовал 145 паломников. С 1992 г. для паломников ежегодно организуется специальный авиарейс Ашхабад–Джидда.

Празднование главного мусульманского торжества — *курбан байрама* теперь не только не осуждается властями, но и, согласно Указу президента, стало общенациональным. Дни *курбан байрама* — нерабочие. Организуются коллективные трапезы и массовые гулянья.

Делегации мусульман Т. посещают единоверцев в других странах, участвуют в работе различных международных организаций.

Лит-ра: В.А.Жуковский. Жизнь и речи Абу-Саида Мейхенейского. СПб., 1899; Обзор Закаспийской области за 1899 г. Асхабад, 1900; В.В.Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. СПб., 1904, 208; А.Н.Самойлович. Махтум-Кули и

Хаким-Ата // Туркменоведение. 1929, № 12; МИТТ. I, 67, 91, 107–109, 347 и др.; II, 48, 198, 200, 332 и др.; А.А.Росляков. К вопросу о мюридизме в Туркменинии // Известия АН ТССР. 1952, № 5; А.П.Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956, 127; История Туркменской ССР. Т. I. Кн. I. Аш., 1957, 161–162; Абу-л-Гази. Родословная туркмен / Пер. и науч. изд. А.Н.Кононова. М.–Л., 1958, 75; В.Н.Басилов. Культ святых в исламе. М., 1970; С.М.Демидов. К вопросу о религиозном синкретизме у туркмен XIX — начала XX в. // Труды

VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 8. М., 1970; он же. Туркменские овляды; он же. Суфизм; он же. Легенды, 62–128; он же. История религиозных верований народов Туркменистана. Аш., 1990, 71–122, 134–141; Коран на туркменском языке // ТИ. 15.03.1994; Конкурс знатоков Корана // ТИ. 30.03.1994; К порогу священной Каабы // ТИ. 12.05.1994; Л.Папилова. Свет истины (О новом в жизни религиозных общин) // ТИ. 21.01.1995.

С. Дем.

У

Уджагъабыр (рутул., «святые места», ср. рутул. *уджагъли* — «святой», *шайх*) — святилища рутульцев, небольшого мусульманского народа лезгинской группы нахско-дагестанской языковой семьи, живущего в горах Южного Дагестана (Рутульский и Ахтынский районы) и Северного Азербайджана (Шекинский и Кахский районы). Разновидность кавказских *тиров*, в почитании которых общемусульманское поверье о посредничестве (*тавассул*) и заступничестве (*шафа'а*) «святых» за простых мусульман перед Аллахом тесно переплелось с доисламскими культами горцев. Древних сооружений среди У. не сохранилось. На основании преданий, археологических находок и арабской эпиграфики почти все из них, почитаемые ныне, можно отнести к XVIII–XX вв., однако существование «святых» мест, подобных У., у рутульцев и их соседей отмечали еще средневековые географы и путешественники XIII–XVII вв. (Закарийа ал-Казвини, Абу 'Абд Аллах Мухаммад ал-Химйари, Эвлия Челеби).

У. сооружают либо в «святых» местах, либо над могилами местных мусульманских *шайхов*, либо в местах, связанных с их деятельностью. Рутульская топонимика насчитывает несколько сотен У. Они встречаются на отрогах «святой» горы Цийкул, в «священных» рощах, которые по местному *'адату* запрещено было рубить, на окраинах селений, перекрестках дорог и почти на всех старых кладбищах. По внешнему виду они

делятся на две группы. Чаще всего это высокие кучи камней (до 1,5–2 м), увенчанные деревянными шестами с белыми или разноцветными лентами, реже — прямоугольные в плане бескупольные мавзолеи из грубо обработанного речного камня. В У. бывают вставлены плиты с арабскими надгробными и строительными надписями. В стене мавзолея или наверху груды камней устраивают прямоугольную или полукруглую нишу для лампы (рутул. *чирахъ* = узб. *чираг*) и приношений (*садака*). Возле У. часто растут плодовые деревья, рубить их и срывать с них плоды табуировано (*гъарам*, араб. *харам*).

Внутреннее убранство У., построенных в виде мавзолеев, крайне скудно. Это небольшая пустая комната (рутул. *уджадийды хал*), обычно 2×3 м. Ее освещает дневной свет, льющийся через дверной проем, а по праздникам также лампада. По словам рутульцев, в архитектуре мавзолеев можно заметить подражание ал-Ка'бе в Макке/Мекке. Из реликвий «святых» в У. обычно хранятся их посохи (рутул. *г'аса*, от араб. *'аса*), обмотанные разноцветной материей. Под некоторыми У. вплоть до начала XX в. устраивали подземную камеру (рутул. *къуй*). Сохранившееся сооружение такого рода в селении Шиназ представляет собой яму (40×40 см) с земляным полом и стенами, сложенными из речного камня. Вместо потолка ее перекрывает монолитная плита из песчаника с небольшим прямоугольным отверстием, кото-